
К.А. Арнштам
БЕРЛИН МОЕГО ДЕТСТВА*

Художник-график Кирилл Александрович Арнштам родился 27 декабря 1918 г. (9 января 1919 г.) в Петрограде в семье Александра Мартыновича Арнштама (1880–1969) — живописца и графика. В 1922 г. Арнштамы эмигрировали в Берлин. Еще будучи ребенком, Кирилл Александрович сотрудничал как иллюстратор в берлинском журнале «Квершнитт» («Querschnitt») в 1925–1932 гг. В 1933 г. семья переехала в Париж, где Кирилл Александрович окончил Школу прикладных искусств (Ecole des Arts Appliqués) по специальности «Реклама». В начале профессиональной карьеры и вплоть до 1950-х гг. заявил себя в том числе как автор киноафиш. После войны он сотрудничал с известными периодическими изданиями «Мари Франс» («Marie France»), «Мари клер» («Marie Claire»), «Пари матч» («Paris Match»), «Мир музыки» («Monde de la Musique») и др. В середине 1950-х гг. как иллюстратор сотрудничал с издательствами «Плон» («Plon») и «Файар» («Fayard»). В начале 1960-х гг. вместе с отцом работал над оформлением балета «Нана», поставленного в Страсбургском театре. В 1965 г. начал работать в книжной графике. Создал иллюстрации к романам Льва Толстого, Эмиля Золя, Ги де Мопассана, в 1971–1972 гг. — к трилогии Анри Труайя «Пока стоит земля». Первая персональная выставка в России состоялась в 2003 г. во Всероссийском музее А.С. Пушкина в Санкт-Петербурге, а тремя годами раньше в Русском музее прошла первая в России выставка произведений Александра Мартыновича Арнштама.

В октябре 2011 г. по инициативе и при самом активном участии Кирилла Александровича в Доме русского зарубежья состоялась выставка произведений его отца, выдающегося художника первой половины XX в. Это была первая выставка в Москве, родном городе А.М. Арнштама. Кирилл Александрович Арнштам является почетным дарителем Дома русского зарубежья, лауреатом Медали имени Михаила Александровича Чехова.

М.А. Васильева

Мы приехали в Берлин в феврале 1922-го, мне было тогда три года. Помню типично берлинскую гостиницу, наполненную русскими эмигрантами, десерт на обед — половина груши в сиропе в столовой с витражами, затемнявшими высокие окна. Помню коридоры с мягкими коврами, комнаты с клопами и ужас-

---

* Текст написан по материалам беседы, которую провели с художником М.А. Васильева и И.Н. Тишина.

но пронзительный запах серы, когда, заклеив газетной бумагой двери, некоторые обитатели гостиницы сражались с этими малоприятными насекомыми. Мы довольно долго жили в гостинице, а потом перебрались на квартиру.

Мой отец, Александр Мартынович Арнштам, сразу получил работу, поскольку в Берлине в то время существовало немало русских издательств. Издательство И.П. Ладыжникова, «Огоньки», «Геликон». Отец очень много рисовал. Ребенком, я, словно зачарованный, наблюдал за казавшимся мне тогда сказочным процессом творчества. Видно было, что он принимался за работу с огромным аппетитом, как за праздничный обед. А к инструментам — карандашам, перьям и туши (черная пластинка с китайской надписью золотыми буквами) относился с подлинной чувственностью. И так же необычайно «вкусно» он создавал балетные костюмы! До сих пор вспоминаю, как однажды, вставая, осторожно держа двумя пальцами лист своего любимого ватмана и чуть покачивая его, он сказал: «Послушай, какой изумительный металлический звон идет от этой роскошной бумаги». С раннего детства до зрелых лет, живя в окружении работ отца и, разумеется, любя их, я воспринимал их как вещи обыкновенные... Хотя на самом деле они были именно совершенно необыкновенные. Связь руки и глаза была у него настолько мгновенной, что ему удавалось сразу же уловить абсолютное сходство, так же как создать необычайно выразительный «портрет тела»¹, часто — одним стремительным штрихом, без всяких поправок.

Однако были и такие периоды, когда он не работал, — разные были времена... Конечно, Берлин 20-х годов, с его издательствами, выставками, его интенсивной творческой жизнью, оказался для отца счастливым периодом жизни. Мы, Арнштамы, «забытого» немецкого происхождения. Отец неплохо говорил по-немецки, с легким балтийским акцентом, и любил вспоминать, что на столе его отца красовался бюст Гете и всегда лежал томик его произведений. До революции мой отец учился не только в Московском, но и в Берлинском университете Фридриха Вильгельма. Правда, в детстве я слышал его рассказы о московской студенческой жизни. Помню, как он вспоминал, как весело они, студенты, праздновали на Кузнецком Мосту окончание университета. И когда он рассказывал, я воображал его, вместе со студентами танцующим на каком-то мосту.

А в Берлине он общался с немцами на равных, и они его очень полюбили. Вскоре он стал сотрудничать с немецкими издателями — ходил на премьеры (например, балетные) и делал репортажные портреты прямо на месте, вечером он шел на премьеру — а на следующее утро его рисунки уже были напечатаны в газетах!.. Даже я попал к издателям — был настоящим вундеркиндом. Однажды мой отец показал издателю журнала «Квершнитт» мои рисунки (а мне было всего шесть лет) и сказал, что это работы одного знакомого голландского художника. Издатель очень заинтересовался и попросил привести «голландского художника» для знакомства. В назначенный час отец вошел вместе со мной. «А где ваш голландец?» — недоуменно спросил издатель. «Вот он и есть, тот самый художник!» —

¹ Так искусствовед Михаил Герман охарактеризовал «ню» Арнштама.

ответил, улыбаясь, отец, чем привел издателя еще в большее недоумение. Меня решили проверить и заставили рисовать, что я и сделал. А после взяли за руку и повели по типографии — показывать. Вскоре мои рисунки напечатали, и я стал сотрудником журнала.

Берлин тех лет был совершенно открытым городом — в смысле политическом, литературном. Берлинская культурная общественность «смотрела» на Париж, было несколько художественных журналов, которые писали более всего о Париже. Часто приезжал Вертинский, русскими ставились оперетты и многие другие постановки — например в театре «Летучая мышь» Никиты Балиева и театре «Синяя птица» Якова Южного. Балиев — один из героев портретной галереи, созданной моим отцом в берлинский период. Мы продолжали жить русской жизнью. В то время еще можно было ездить туда и обратно — и в советскую Россию, и из нее. К нам в гости приходили многие известные люди, знакомые отца — в основном те, кто находился в Берлине проездом. Чаще всего у нас были актеры МХТ — Аким Тамиров, Григорий Хмара, сын Валентина Серова Георгий Серов, которого я просто обожал, всякий раз нетерпеливо ждал его и... его маленький «фиат», на котором он ездил в Париж и обратно. Помню, Серов первое время приезжал с Ольгой Пыжовой. Пыжова потом вернулась в Россию, Аким Тамиров уехал в Америку, стал голливудской звездой. Помню отлично близкого отцовского друга Хмару, по воскресеньям они вместе разъезжали на велосипедах по берлинским лесам. Помню, как-то пришел к нам оперный певец Поземковский² и в обеденное время запел своим русским оперным голосом так, что задрожали окна. А в те годы в Берлине запрещали шуметь во время дневного отдыха. Мы жили на первом этаже, и в нашу квартиру полетели из окон возмущенных соседей стаканы, бутылки, банки...

В Берлине мой отец часто встречался с режиссером Николаем Евреиновым, здесь он оформил его книгу «Театр как таковой», создал его портрет. Еще одно детское воспоминание: у нас в гостях журналист Александр Бродский, и я ем с ним кашу на кухне. Однажды видел писателя Алексея Ремизова — он как-то заходил к нам домой. Есть замечательный портрет Алексея Ремизова берлинского периода, созданный моим отцом, с автографом писателя — знаменитой каллиграфической вязью. А журналист и писатель Виктор Ирецкий вообще бывал у нас как дома, читал маме свои произведения, покупал за плитку шоколада у меня мои детские рисунки, познакомил с сыном Даниилом, мальчиком моего возраста. Даниил приезжал в Берлин из Парижа на каникулы, и мы с ним очень подружились. Потом он с мамой Еленой Антиповой уехал в Бразилию. Там его мать стала известным педагогом, специалистом по психологии. У нас часто бывал петербургский коллекционер Аркадий Руманов, и я даже нарисовал тогда на него карикатуру, которую, к своему великому удивлению, увидел уже в 2006 году в Париже у его сына!

---

² Поземковский (Подземковский) Георгий Михайлович (1890 (по другим данным, 1892) — 1958) — лирический тенор. Выступал в Мариинском театре, после революции эмигрировал, жил во Франции, выступал в «Русской опере» кн. Алексея Церетели. В 1928 г. был на гастролях в Берлине и Лейпциге. (Выражаем признательность за предоставленную информацию В.П. Нечаеву. — Ред.)

*Кирилл Арнштам на открытии выставки произведений Александра Арнштама.
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына. 6 октября 2011.
Фотография Светланы Урбан*

В 60-е годы, уже будучи в Париже, в одном из писем к своему другу Корнею Чуковскому отец вспоминал это время:

«В Берлине нас посетил О. Дымов с дочерью. Я писал ее портрет. Он жил в Америке.

У меня были:

Федин (я нарисовал его портрет).

Был Зозуля (где он?).

Кольцов.

Шкловский (где он?). Отец Пастернак»³.

Вот наше берлинское окружение. К этим именам я добавляю Валентина Парнаха и конечно Надежду Тэффи, в Берлине в 1923-м вышел ее поэтический сборник «Шамрам» в художественном оформлении моего отца.

Я очень гордился, когда узнал, что среди русских в Берлине моего папу настолько уважали, что избрали президентом Дома искусств, а потом председателем Союза русских художников. Помню, как рассказывал отец, что, когда в Берлин приезжал Луначарский, — кажется, на встречу с русскими художниками, — он спросил моего отца, не собираемся ли мы возвращаться в Россию, — мы ведь уехали под предлогом лечения мамы. «Итак, Арнштам, вы все еще здесь и вам это

³ А.М. Арнштам — К.И. Чуковскому. 23 ноября 1963 г. // НИОР РГБ. Ф. 620. К. 60. Д. 49. Л. 4 об.

нравится?» — так звучал вопрос. Гримасы времени: после революции отец оказался востребованным художником в Стране Советов, сотрудничал со многими издательствами, ему доверили оформить Балтийский судостроительный завод, он вместе с группой известных художников создавал эмблему для Верховного Совета РСФСР и в то же время пережил обыски, арест, допросы в ЧК и тюремное заключение. О возвращении в Россию речи быть не могло.

В одном из писем к Чуковскому, уже под конец жизни, отец написал: «Чем дальше — тем сильнее жажда, хотя бы выпить стакан московской воды. Один французский журналист привез мне из Москвы по моей просьбе небольшой камень — который у меня на рабочем столе»⁴. Эти строки вызвали у меня наплыв эмоций. Тут он весь — и ярко, ясно дает понять, где на всю жизнь осталась его душа.

В Берлине мои старшие братья Игорь и Жорж пошли учиться в русскую гимназию. Фотографию выпускников этой гимназии я передал в архив Дома русского зарубежья. А я ходил в подготовительную берлинскую школу. Там я свободно заговорил по-немецки и говорю до сих пор. Друзьями у меня были в основном немцы, но был и один русский мальчик из богатой семьи, — помню его маленьких сестер, игры в ручеек.

В Берлине я приобщился и к скаутскому протестантскому движению — YMCA, ездил в их лагеря, где вечерами детям читали кусочки из Библии. В этих лагерях собирались дети не только из протестантской среды, и со стороны организаторов не было никакого религиозного давления.

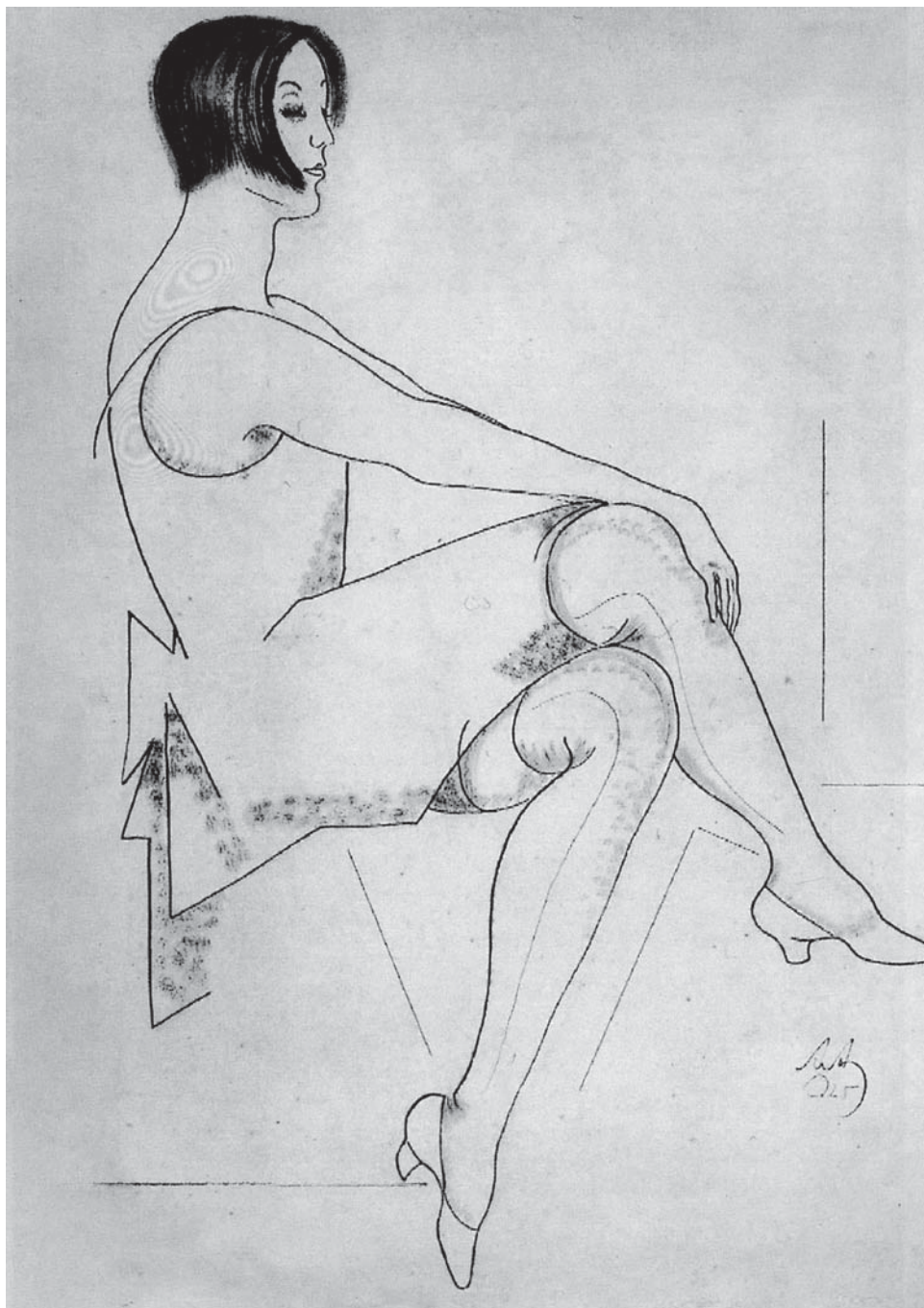
В эти годы стала меняться атмосфера Берлина. В 1929 году нацисты уже существовали как партия. Они «прошли» на почве поддержки интересов рабочих, поскольку рабочие в Германии тех лет жили плохо — в отличие от буржуазии. И главное, национал-социализм сыграл на идее вернуть Германии потерянную гордость. Помню, как во время выборов нацисты, как и другие партийные группы, разъезжали по городу с флагами — это было привлекательно, красиво. Мы жили тогда на Кайзер-аллее — там всегда происходило все самое интересное — и видели победоносное вечернее шествие нацистов с факелами после прихода к власти.

По моим детским воспоминаниям, страха мы тогда не ощущали — все нарастало постепенно. Главное, что революции не было! В гимназии, когда кто-то из профессоров внезапно исчезал, говорили: да, он больше не у нас, ему пришлось уйти, так как он еврей. В гимназии тогда было много депутатов — и правых, и левых. Левых нацисты постепенно убрали — остались только правые. Помню одного из них — профессора географии. Он был маленького роста, носил нацистский знак на лацкане пиджака (тогда было принято носить знак партийности) и всегда обращался к одному французскому мальчику, моему однокласснику, так: «Встань, француз!», или «Отвечай, француз!», или «Иди сюда, француз!». Уже тогда по нему

---

⁴ А.М. Арнштам — К.И. Чуковскому. 23 ноября 1963 г. Л. 3.

Александр Арнштам. Дама в платье ар-деко.
Тушь, сухая кисть, бумага. Берлин, 1925.
Музейное собрание Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына

было видно, что будет... В основном же все правые были важные и не хулиганили. Пережив сам в Берлине приход нацистов, я бы хотел дать понять: они приходили к власти медленно, почти бесшумно, так проникает змея, которую жертва «понимает», когда уже поздно. Как и многие, мы не чувствовали тогда особого страха.

В те годы у моего отца было много друзей-немцев. Он вспоминал об этом периоде: его немецкие товарищи сами не верили в диктатуру Гитлера. Мы дружили еще с очень симпатичной еврейской семьей, главу которой звали Израэлем. Уже потом, во Франции, нам было страшно подумать, что с ними стало...

В то время в Берлине мы переехали на новую квартиру, и я видел, как нацисты громили еврейские магазины напротив — я ходил туда каждый день за мороженым. Я воспринимал происходящее как фильм, словно сам был за кадром. Так часто бывает в детстве: какое-то особое, отстраненное восприятие действительности, словно меня это не касается, и даже не приходило в голову бояться.

А по-настоящему страшно мне, ребенку, было только за маму, которая очень страдала от приступов болезней сердца и желудка. Этот страх я испытал уже в первые годы нашей жизни в Берлин. Она заболела, когда мой отец сидел в советской тюрьме. Мне кажется, он сам так не переживал за себя, как волновалась за него в тот момент моя мама. В нашей небольшой квартире я слышал, как ей бывало плохо, и молился лишь об одном: пусть мы все умрем в тот же день, если умрет мама — чтобы никто не страдал без нее. Помню, как к нам приходил хороший русский доктор и потом все часами сидели и говорили о политике.

Я понимал, что мои родители собираются покинуть Берлин, так и произошло в 1933 году. Они все чаще говорили о Париже, о том, что будет, «когда мы будем в Париже». А меня учили вести себя за столом — мол, в Париже надо будет особенно соблюдать правила столового этикета: есть чисто, не класть локти на стол, не подпирать голову руками и тому подобное. Таким образом, Париж для меня, ребенка, стал очень сложной вещью — зачем нам туда надо? Берлин стал мне родным городом. Берлин — это друзья, детство. Я любил играть с мальчишками на улице в чижа, в лапту, бочке — такую игру, где выбивают шарик шариком, французы ее называют «петанк». Помню, как мы с друзьями из шалости что-то подожгли на балконе, — ну я и перепугался тогда! Помню в Берлине настоящую русскую зиму — с санками, с дворцами из снега, — такая вот связь с Россией... Мы часто ходили в городской парк — там были хорошие горки, а после мама разогревала мне руки и ноги одеколоном. В берлинском луна-парке отец обожал стрелять в тире по мишеням, когда мы ходили туда всей семьей, и было неудивительно, что мы возвращались домой нагруженные никому не нужными выигранными им вещами. И я понимал: этим же безукоризненно точным глазом, этой рукой он как художник мог передать абсолютно точное сходство с натурой.

Так получалось, что до школьного возраста я дружил в основном с немецкими ребятами и русских детей почти не встречал. Позже, в берлинской школе, я стал настоящим берлинским мальчиком. Мое детство совпало с этим городом. Но я никогда не чувствовал себя немцем или французом. Я всегда был русским.

В детстве мне читали русские книги, а мама пела мне русские колыбельные и русские народные песни, читала много русских стихов. Помню, что моей любимой русской книжкой был «Медный всадник» Пушкина с иллюстрациями Бенуа. Ясно вижу одну из них: генерал с плюмажем выходит на балкон посмотреть на наводнение. И, маленьким, я недоумевал: зачем генералу, когда вокруг потоп, нужна треуголка с плюмажем? Папа мне все время читал, рассказывал о своих друзьях из «Мира искусства», — из России мы захватили открытки с репродукциями их работ. Одно время ко мне приходил русский учитель, который научил меня читать и писать по-русски. Увы, эти навыки со временем я потерял. Когда-то отец просил меня читать по-русски четверть часа в день, но я, к сожалению, этого не делал... И вот теперь я снова стал почти свободно говорить по-русски, я вспоминаю слова, которые казались мне безвозвратно забытыми. Это началось со времени первой выставки отца в Санкт-Петербурге, в Русском музее в 2000 году, моего первого приезда на родину. Признаться, какую-то особую исключительно русскую черту я сам в себе до сих пор не ощутил. Но французы замечают некое отличие, — со стороны виднее! Зато я знаю, что меня всегда тянуло в Россию, эта связь была сильной, и с каждым моим приездом я чувствую ее все сильнее.